

УДК 89.09: 140.8

Н. М. Раковская
Одесса

ФЕНОМЕН В. В. РОЗАНОВА (К ПРОБЛЕМЕ «ПОНИМАНИЯ»)

У статті аналізується критичний дискурс В. Розанова, обумовлений його релігійно-філософською свідомістю. Простежується духовна еволюція світобачення. Актуалізується проблема розуміння та її реалізація у письмі. Розглядається концепція «конфлікту інтерпретацій» критика. Акцентується її інтерсуб'єктивність, інтенціональність та парадоксальність. Розглянута модель світу В. Розанова, яка обумовлена особливостями парадигми культурної свідомості перехідної епохи кін. ХІХ – поч. ХХ ст. В літературі та літературній критиці очевидне порушення цілісності текстів, тяжіння до циклічності, фрагментарності, незавершеності. У критичній думці Ак. Волинського, В. Розанова, Л. Шестова це явище можна пояснити інтерсуб'єктивністю, авторефлексією, екзистенцією тощо. Досліджується метафізичний підхід В. Розанова до літератури, символізування та метафористичність, що приводить критика до відкритої полемічності, суперечності та парадоксальності суджень.

Ключові слова: критика, світобачення, моделювання, інтерпретація, інтерсуб'єктивність.

В статье анализируется критический дискурс В. Розанова, обусловленный его религиозно-философским сознанием. Прослеживается духовная эволюция мировидения. Актуализируется проблема понимания и ее реализация в письме. Рассматривается концепция «конфликта интерпретаций» критика. Акцентируется ее интерсубъективность, интенциональность и парадоксальность. Рассмотрена модель мира В. Розанова, которая обусловлена особенностями парадигмы культурного сознания переходной эпохи к. XIX – н. XX в. В литературе и литературной критике очевидно нарушение целостности текстов, тяготение к цикличности, фрагментарности, незавершенности. В критической мысли Ак. Волынского, В. Розанова, Л. Шестова данное явление можно объяснить интерсубъективностью, авторефлексией, экзистенцией и т. д. Исследуется метафизический подход В. Розанова к литературе, символизации и метафористичность, что приводит критика к открытой полемичности, противоречивости и парадоксальности суждений.

Ключевые слова: критика, мировиденье, моделирование, интерпретация, интерсубъективность.

The critical discourse of V. Rozanov, due to his religious and philosophical sense is analyzed in the article. The spiritual evolution of world seeing is traced. The problem of creatively understanding and its implementation is examined in a letter. The concept of "conflict of interpretation" of critic is also observed. Emphasizes its intersubjectivity, intentionality and paradoxicality. The article reviewed the model of the world seeing of V. Rozanov, which could be attributed to specific paradigm of cultural consciousness of transition epoch of the end of XIX-the beginning of the twentieth century. In the literature and literary criticism is clear violation of the integrity of texts, historical cycles, fragmented, incomplete. In the event of a critical thought of Ak. Volynsky, V. Rozanov, L. Shestov this phenomenon can be explained by intersubjectivity auto reflection, existence etc. Metaphysical approach of Rozanov to the literature, sacral symbols and metaphors that leads critic to an open controversy, contradictions and paradox judgments.

Keywords: criticism, world seeing, world-modeling, interpretation, intersubjectivity.

Парадоксы модели мира В. Розанова обусловлены особенностями парадигмы культурного сознания переходной эпохи к. XIX – н. XX в. В литературе и литературной критике очевидно нарушение целостности текстов, тяготение к цикличности, фрагментарности, незавершенности. В критической мысли Ак. Волынского, В. Розанова, Л. Шестова данное явление можно объяснить интерсубъективностью, авторефлексией, экзистенцией и т. д. Стремление к переоценке ценностей, метафизический подход к литературе, символизация и метафористичность приводят критиков к открытой полемичности, противоречивости и парадоксальности суждений. Их тексты наполнены незавершенными, недоговоренными, но эмоционально насыщенными фрагментами, оставляющими впечатление незавершенности мысли или концепции в целом. Путешествуя по временам, эпохам и культурным пространствам критик (например, Л. Шестов и его принцип «шестовизации») не стремится к синтезу (в гегелевском его толковании), скорее обнаруживается синкретизм, реализуемый в моделях мировидения.

Как известно, термин «модель мира» широко использовался в поэтике структуралистов, начиная от Ю. Н. Тынянова и завершая Ю. М. Лотманом. Под моделью мира мы понимаем результат переработки информации о человеке, причем человеческие структуры и схемы часто экстраполируются на быт и бытие, которые описываются на языке антропоцентрических понятий и

подвергаются семиотической перекодировке [1; 14]. Ориентация на понятие «модель мира» дает возможность соединить в интерпретационной практике В. В. Розанова фрагменты восприятия и творения художественной реальности, создание особой формы письма, в которой проявляется чувственное эмоциональное неравнодушие к предмету описания.

К. Аймермахер указывал, что модель мира располагается между действительностью и сознанием и обладает определенными кодирующими правилами трансформации. Учитывая, что В. В. Розанову присущи различные модели сознания (религиозные, философские, этико-эстетические, ментальные и т. д.), имеющие блоки информации в рамках вербальных и невербальных знаков и направленные на различные формы коммуникации, попробуем выявить парадигму, обусловленную интуицией критика, интуицией изоморфизма частных сфер его жизни и бытия культуры в целом. В таком случае, как нам представляется, весь комплекс исканий В. В. Розанова становится осмысленным, ибо этот подход эксплицирует структурность и системность критики В. В. Розанова и вместе с тем фрагментарность письма, сближающую ее с потоком мысли XX в.

В критической рефлексии В. В. Розанова модель мира, прежде всего, связана с его духовной эволюцией [8]. Начав со своеобразного радикализма (с отзвуками трансцендентализма), легшего в основу его первого труда «О понимании», В. В. Розанов отмечал, что *понимание* «есть единственная деятельность разума» [13, т. 1, с. 10], которая соединяет мыслительные формы-схемы с формами самой реальности. Восходя к первоначальной природе человека, понимание несет в себе антропологическое и религиозное содержание, выявляя и делая возможным человеческое бытие. По образному выражению А. Ремизова, концепция критика сравнима с «гимнастикой, вырабатывавшей эластичность мысли» [12, с. 230]. Ряд современных исследователей также усматривают в суждениях В. В. Розанова основополагающие тенденции его письма: «Переменчивому публицисту Розанову предшествовал совершенно другой и все равно тот же самый Розанов с философией понимания – цельного, исчерпывающего, окончательно неизменного блага. Подчеркнутая розановская переменчивость кричала о том, что цельная истина непохожа на те ее фрагменты, с которыми нам обычно приходится иметь дело» [4, с. 65]. Как известно, В. В. Розанов считал себя писателем, в творчестве которого происходит «завершение литературы». Он указывал на разрушение традиционного типа высказывания, характеризующегося пониманием формы как инструмента для передачи готового содержания. Специфике речевого выражения, стихии языка он придавал онтологическое значение.

В соответствии с развернутой В. В. Розановым концепцией понимания письмо выступает как особого рода космос [9]. Обращение к письму дает представление о целостности, «надпротиворечивые» основания которой В. В. Розанов стремился определить посредством обращения к феноменам *поэзии наблюдательной и психологической*. «Вследствие того, что поэтические

произведения, в противоположность произведениям всех других видов искусства, не только не расстраиваются от введения различных и даже противоположных образов, сцен и картин, но даже выигрывают, происходит то, что, тогда как другие искусства всегда отражают в себе только человека, или как личность, или как народ, поэзия отражает в себе и *человека*, и *жизнь* его. В нее входят и думы, и чувства, и желания поэта, и текущая жизнь во всем своем разнообразии и со всеми своими контрастами» [13, т. 1, с. 70].

Таким образом, понимание – это особая форма мыслительного процесса. Ранее чувственного опыта и соприкосновения с миром в разуме человека лежат уже схемы идей, готовые обнять собою мир; и тот факт, что этот мир, существующий независимо от человеческого разума и ранее его, действительно вступает в эту схему идей, невольно заставляет видеть и в разуме нечто космическое, и в космосе нечто разумное. Разум есть как бы мир, выраженный в символах, – мир есть как бы разум, выраженный в вещах; и только поэтому возможно познание мира разумом. Бытие выступает как «трепетное ощущение человека между Богом и космическим витальным эросом – именно это и дает бытие “Я в мире”» – замечал критик.

Письмо, в свою очередь, выступает как *другое* цельного знания. Это *другое*, с точки зрения критика, «эмбрионально» задано и соединяет в себе имманентное и трансцендентальное («Я похож на младенца в утробе матери, но которому вовсе не хочется родиться. Мне и тут тепло»). Понимание и письмо «сходятся» как экзистенция и смысл, свобода и необходимость. Возникает стратегия «параллельного письма», допускающего авторскую множественность, завершение незавершенного. В таком понимании имманентное и трансцендентное как бы совпадают – письмо для самого себя является не только основанием, но тайной и жертвой, ибо содержит в себе все существующие смыслы в едином пространстве понимания. Более того, письмо обращено к пониманию и становится универсальной формой осуществления смысла «несу литературу как крест мой».

Данная концепция породила бесконечную противоречивость и парадоксальность суждений В. В. Розанова, вследствие чего А. Ф. Лосев считал В. В. Розанова гениальным человеком, но беспринципным декадентом, мистическим анархистом, глубоко понимавшим все религии, но сомневающимся в Боге. Неоднозначные выводы А. Ф. Лосева обусловлены экзистенцией автора «Уединенного» и «Опавших листьев», пытавшегося уловить живую и моментальную антиномичность событий и явлений в его собственном меняющемся сознании. О своем сознании В. В. Розанов писал: «Я никогда не догадывался, не искал... Эти обыкновеннейшие способности ... исключены из моего существа. Но меня вдруг поразило что-нибудь. Мысль или предмет. Пораженный ... я смотрел на эту мысль или предмет, иногда годы. В отношении к предметам и мыслям была зачарованность» [13, т. 2, с. 63]. Незыблемым в концепции понимания, реализованном в письме оставалось одно: духовная эволюция совершалась внутри религиозного сознания. «Уже с I курса, – писал он в своей автобиографии, – я перестал быть

безбожником, и не преувеличивая, скажу: Бог поселился во мне. С того времени ... каковы бы ни были мои отношения к церкви, что бы я ни делал, что бы ни говорил или писал, прямо или в особенности косвенно, я говорил и думал собственно только о Боге; так как Он занял меня всего, без какого-то остатка, в то же время как-то оставив мысль свободною и энергичною в отношении других тем» [13, т. 2, с. 72].

Заложенная в модели сознания В. В. Розанова оппозиция: завершенное – незавершенное, системность – дискретность – прослеживается в трех фазах. Первая, в которой В. В. Розанов всецело принадлежал Православию, что проявилось в его книге, посвященной «Легенде о Великом инквизиторе», статьях «В мире неясного и нерешенного», «Религия и культура». В них очевидно противопоставление христианского Запада Востоку: западное христианство ему представляется «далеким от мира», «антимиром». В Православии «все светлее и радостнее». В свете Православия христианство видится критику как полная веселость, удивительная легкость духа – «никакого уныния, ничего тяжелого». Но уже в статье «Номинализм в христианстве» есть уточнение: «...нельзя достаточно настаивать на том, что христианство есть радость – и только радость и всегда радость» [13, т. 2, с. 77]. Наблюдается зарождение второй фазы. Сомнения постепенно переходят в скептицизм. Возникает идея противопоставления религий. Историко-культурный код раскрывает блок информации о религии Голгофы (историческое христианство и религия Вифлеема. Голгофа – аскетическая фаза христианства, Вифлеем – новая религия, «жизненно-сладостная»). Постепенно историко-культурный блок расширяется. В статье «Около церковных стен» автором моделируется диалог христианства и культуры, в результате которого христианство уступает место религии Отца – Ветхому Завету. «Великое недоразумение» в судьбе христианства, по размышлению критика, образовалось в связи с Голгофой – ибо появилось «искание страданий». Но весь «процесс искупления» прошел мимо человека и «рухнул в бездну, в пустоту, – никого и ничего не спасая». Вновь возникает стремление к целостности размышления и, тут же, в речевом высказывании обнаруживается незавершенность. В данной ситуации концепт искупления связан с розановской символикой бездны и пустоты, в которой проявляется его собственное понимание свободы интерпретации религиозно-философского феномена. «Незавершенное», как отмечают авторы статьи «Энергия незавершенного», – факт художественной авторской воли, главное последствие которой – появление некой особой, специфической «свободы», свободы игры (автора) и свободы интерпретации (реципиента) [11, с. 116].

В связи с этим возникает третья фаза, связанная с религиозно-культурным блоком, определяемым в концепции В. Розанова кодом Церкви. С точки зрения критика, Церковь неверно осознавала суть христианства. Высшей точки сомнения В. В. Розанова достигли в статье об «Иисусе Сладчайшем», где он пишет о темном лике христианства, о людях лунного света, так широко представленных в творчестве Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского. Церковь,

замечал критик, воспринимала христианство как поклонение смерти. Размышления критика близки наблюдениям Н. В. Гоголя, который писал: «Есть страсти, есть явления (напр., рождение–смерть), которых избрание не от человека. Уже родились они с ним в минуту рождения его в свет и не дано ему сил отклониться от них. Внешними начертаниями они ведутся, есть в них что-то вечно зовущее, не умолкающее во всю жизнь» [5, т. 5, с. 349].

Неслучайно наблюдается некое мистическое совпадение личной судьбы художника и критика. К. Мочульский отмечает: «от Гоголя все ночное сознание нашей словесности: нигилизм Л. Н. Толстого, бездны Ф. М. Достоевского, бунт В. В. Розанова. «День» ее пушкинский, златотканый покров – был сброшен; Н. В. Гоголь первый «больной» нашей литературы, первый мученик ее» [10, с. 231]. Метафизический индивидуализм Н. В. Гоголя и экзистенциальное одиночество В. В. Розанова – явления одного порядка, ибо сознание критика и писателя интерсубъективно.

Библиографические ссылки

1. Аймермахер К. Знак. Текст. Культура / К. Аймермахер ; [пер. с нем. С. Ромашко]. – М. : РГГУ, 2001. – 396 с.
2. Бачинин А. Христианская мысль / А. Бачинин. – СПб. : New id publishers, 2009. – 204 с.
3. Башляр Г. Поэтика пространства / Г. Башляр // Избранное: Поэтика пространства ; [пер. с франц.]. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2004. – С. 5–212.
4. Бибахин В. В. К метафизике другого / В. В. Бибахин // Начала. – 1992 – № 3 (5). – С. 52–65.
5. Гоголь Н. В. Собр. соч. : в 5 т. – СПб. : Товарищество издательского и печатного дела А. Ф Маркса, 1894.
6. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. – Л. : Наука, 1972–1990.
7. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности / И. А. Есаулов. – М. : Кругъ, 2004. – 562 с.
8. Зеньковский В. В. История русской философии : в 2 т. – Л. : Эго, 1991.
9. Иванова Е. В. Розанов и его апокалипсис литературы / Е. Иванова // Русская литература. – 2006. – № 4. – С. 92–103.
10. Мочульский К. Гоголь. Соловьев. Достоевский / К. Мочульский / [сост. и послеслов. В. Н. Толмачева]. – М. : Республика, 1995. – 606 с.
11. Подчиненов А. В., Снигирева Т. А. Энергия незавершенного / Подчиненов А. В., Снигирева Т. А. // Дергачевские чтения – 2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности : в 3 т. – Т 1. – Екатеринбург, 2012. – С. 115–118.
12. Ремизов А. Исследования и материалы / А. Ремизов. – СПб. : Панорама, 2004. – 320 с.
13. Розанов В. В. Собр. соч. : в 2 т. – М. : Республика, 2005.
14. Цивьян Т. В. Семиотические путешествия / Т. В. Цивьян. – СПб : Издательство Ивана Лимбаха, 2002. – 248 с.

Надійшла до редколегії 31 березня 2014 р.